

Ли Чжао лёгонько толкнул Мин Чжэня плечом и с усмешкой произнёс:

— Ну что ж, будущий канцлер Мин! Пока я тут прикидываю, как заставить этих старых пердунов «добровольно» уступить место молодым, ты уже изнутри подтачиваешь их основу, вытягивая ключевых людей — прямо как дрова из-под котла! Мы сработались без единого слова! Наконец-то можно сказать, что у нас полное взаимопонимание, не так ли?

Мин Чжэнь не стал возражать. Вместо этого он плавно поддался этому толчку и, довольный, крепко обнял Ли Чжао, прижав к себе. Затем, не теряя ритма, развернул его и повёл внутрь — в более тёплое помещение. Движения были такими естественными и гладкими, словно именно так всё и должно было происходить.

Они стояли совсем близко, почти прижавшись друг к другу. Фу Гуй, наблюдавший со стороны, лишь покачал головой: улыбка его господина была такой широкой и неподдельной, что просто смотреть на неё стало неловко. Он молча отступил ещё дальше.

Внезапно оказавшись в крепких объятиях, Ли Чжао сквозь несколько слоёв одежды ощутил тепло груди и силу рук Мин Чжэня. Сердце его ни с того ни с сего ёкнуло.

Раньше они не раз обнимались, хлопали друг друга по плечу, шалили — но почему сейчас всё чувствуется иначе? Мысли начали путаться...

Ему вдруг вспомнилось, как однажды он видел, как Мин Чжэнь тренируется с мечом: ловкий, стремительный, с каждым поворотом и прыжком под тонкой рубашкой проступали контуры мышц — плавные, но наполненные силой.

Тогда он лишь завидовал, мечтая самому обрести такую же ловкость. А теперь, вспоминая ту картину, он невольно задумался: а каково это — прикоснуться?

Стоп! Хватит! Иначе в голове начнут бурлить пузыри...

Из-за этой рассеянности лицо его слегка оцепенело. Мин Чжэнь опустил взгляд и заметил, как тот машинально прикусил чуть пересохшие губы. Его глаза потемнели.

Он мягко усадил Ли Чжао на круглый табурет у стола, затем налил чашку тёплого чая, проверил температуру и аккуратно поднёс её к его губам.

— А Чжао, хочешь попить? — спросил он низким, слегка хриловатым голосом.

— А? Что? — Ли Чжао был далеко в своих мыслях. Почувствовав тепло у губ, он инстинктивно приоткрыл рот. Чашка чуть накренилась, принимая идеальный угол, и тёплая жидкость медленно влилась ему в рот.

Он проглотил, даже не осознавая этого, и таким образом выпил целую чашку — будто прошла целая вечность. Когда всё закончилось, он моргнул, всё ещё ошеломлённый. Но, заметив странный взгляд Мин Чжэня, запаниковал: неужели тот догадался, о чём он только что думал, и специально напоил его, чтобы остудить пыл? Хотя... если бы хотел остудить, разве не дал бы холодной воды?

Но тут же он внутренне выпрямился: а что такого? Они же вместе! Разве любовникам запрещено думать о приятных вещах?

Мин Чжэнь внимательно следил за переменами на его лице — от растерянности к недоумению, а потом к внезапной решимости сохранять видимость спокойствия. Он задумчиво поставил пустую чашку на стол и кончиком пальца едва коснулся уголка губ Ли Чжао, будто убирая несуществующую каплю воды. Жест был нежным, но в нём явственно чувствовалась близость и право собственности.

— О чём задумался? — тихо спросил он, и его дыхание обожгло горячее ухо Ли Чжао. — Щёки горят.

— Ни о чём! Совсем ни о чём! — тут же отрезал Ли Чжао. Неужели признаваться, что он только что вспоминал, как тот тренируется с мечом, и представлял, каково на ощупь его тело? Это ведь прямое признание в том, что он «жаждет» Мин Чжэня!

— Хм, — коротко фыркнул Мин Чжэнь, и этот смешок, полный понимания, точно попал в самую сердцевину слуха Ли Чжао, вызвав странную дрожь.

— Правда? — Мин Чжэнь придвинулся ближе и почти шёпотом добавил, будто соблазняя: — Знаешь, А Чжао, каждый раз, когда ты врёшь или чего-то стыдишься, твои глаза распахиваются во все лопатки и смотрят прямо, будто так можно казаться особенно честным.

— Ты клеветешь! — воскликнул Ли Чжао, чувствуя, как его предали и мысли, и дыхание. Он резко вскочил, пытаясь увеличить расстояние, которое сводило его с ума. Обычно Мин Чжэнь в таких случаях вежливо отступал...

Но на этот раз он просчитался.

Едва он начал подниматься, как потерял равновесие и, вместо того чтобы отстраниться, случайно коснулся губами прохладного уголка губ Мин Чжэня.

На миг мир замер — а потом рванул вперёд с удвоенной силой.

Неважно, кто начал первым. Та случайная искра мгновенно разгорелась в пламя. Лёгкое прикосновение быстро переросло в глубокий, страстный поцелуй — губы сплелись, дыхание смешалось.

Ли Чжао почувствовал, как во рту мгновенно пересохло. Только что выпитый чай будто испарился, не оставив и следа влаги. Всё внутри словно выжгло жаром, осталась лишь головокружительная дрожь.

Он не был пассивным. Пройдя первый шок, в нём вспыхнули любопытство, вызов и нечто более тайное. Ведь он тоже не из тех, кто легко отдаёт то, что принадлежит ему. Если уж забрали дыхание и влагу — значит, придётся платить!

И тогда, в короткой паузе между поцелуями, его рука, до сих пор не находившая себе места, наконец поддалась давнему порыву. Сначала робко, потом смелее, она скользнула по плечу и спине Мин Чжэня, ощущая под одеждой знакомые, плавные, но мощные очертания.

Хм... На ощупь даже лучше, чем в воображении.

Под тканью мышцы были твёрдыми и горячими, слегка подрагивали в такт дыханию, источая сдержанную силу.

Ли Чжао будто заново открывал для себя это тело. Любопытство заглушило стыдливость, и он осторожно провёл пальцами вдоль запомнившейся линии, едва коснувшись одной особенно упругой дуги.

Он отчётливо почувствовал, как под его пальцами мышцы мгновенно напряглись — от эластичной мягкости к чёткой, готовой к действию твёрдости. Всё произошло за миг, но очень ясно.

Как же интересно... — подумал он, и желание исследовать только усилилось.

Словно недовольный преградой ткани — будто смотришь на цветы сквозь туман — его пальцы начали бессознательно тянуть, искать, цепляться. Упрямство, свойственное его характеру, сыграло роль: он нашёл зазор в одежде и, преодолев последнее сомнение, проскользнул внутрь, касаясь горячей кожи.

Это внезапное соприкосновение прохладных пальцев и раскалённой плоти заставило обоих на миг замереть.

Это небольшое, почти рассеянное движение Ли Чжао стало немым вызовом — или ключом, который открыл шлюзы куда более бурного потока.

Дыхание Мин Чжэня стало тяжелее. Его всегдашнее спокойствие и сдержанность будто треснули под натиском этой руки на груди, обнажив истинную, пылающую суть.

Он резко сжал руки, прижав Ли Чжао ещё ближе, и поцелуй, до этого плавный и терпеливый, стал глубже, настойчивее, почти требовательным — не оставляя ни малейшего шанса на

отступление.

Будто он хотел поймать и поглотить все блуждающие мысли, все робкие прикосновения — и оставить на них свой след, навсегда.

В комнате стояла тёплая духота, в воздухе витал аромат кедра, создавая уютное, почти интимное пространство.

А в этом ограниченном мире всё громче становилось их переплетённое дыхание, шуршание одежды и едва слышные, похожие на стоны звуки, от которых жар поднимался всё выше.

— Бах!

Резкий звон разбитой посуды вдруг ворвался в эту пылающую атмосферу, едва не растопившую разум.

Мин Чжэнь, как будто вырванный из глубины страсти, резко замер. Его тело на миг окаменело.

Но Ли Чжао ещё не пришёл в себя. Почти машинально он потянулся вперёд, снова прильнув губами к губам Мин Чжэня, и даже носком ноги лёгонько ткнул его в голень — будто торопя продолжить.

Мин Чжэнь посмотрел на него: глаза закрыты, лицо беззащитное, полное доверия. Его горло судорожно дернулось, а внутри натянулась до предела струна самообладания — казалось, вот-вот лопнет от напряжения.

...Такой послушный...

Но больше нельзя.

— А Чжао, — прохрипел он, и голос прозвучал так хрипло, будто его вытащили из песка.

— Мм? — пробормотал Ли Чжао, всё ещё не отрываясь губами, пока слова наконец не дошли до сознания. Только тогда он начал медленно возвращаться из этого жаркого сна.

Осознание вернулось внезапно — и вместе с ним обострились все ощущения. Он вдруг понял, что сидит, полулёжа на краю стола: холод дерева под бёдрами резко контрастировал с жаром всего тела.

Чайник еле держался на краю стола, крышка приоткрыта, и тонкая струйка чая стекала на пол. А бедная фарфоровая чашка уже лежала в осколках на блестящем полу.

Он опустил взгляд на себя: одежда растрёпана, ворот расстегнулся, обнажая участок кожи. Но по сравнению с Мин Чжэнем он выглядел почти скромно.

Потому что на Мин Чжэне было ещё хуже: верхняя одежда сбилась, ворот распахнулся, открывая чёткие линии ключиц. А ниже, прямо на белоснежной коже, красовались яркие красные следы — угадать, чьи это царапины, было нетрудно.

Ли Чжао уставился на них пару секунд... и вдруг вспомнил: да, это он, потеряв голову, впился пальцами и провёл ногтями по коже...

Ба-а-ах!

Жар хлынул от пяток прямо в макушку. Его пальцы, ещё недавно такие смелые, теперь судорожно сжались в кулаки. Ему срочно захотелось провалиться сквозь пол.

Голова, только что гордо поднятая, теперь опустилась так низко, что подбородок почти упёрся в грудь. Взгляд метался: от осколков на полу — к узору на столе — к перекошенной завязке на одежде... Только бы не смотреть на Мин Чжэня и, уж тем более, не на эти «улики».

Мин Чжэнь тоже глубоко вдохнул, осознав беспорядок на себе. Он поднял руку, чтобы поправить одежду, но прикосновение к царапинам вызвало лёгкую боль — и он на миг замер.

Затем взглянул на виновника, который теперь напоминал испуганного перепёлка: весь сжался, красный, но делает вид, что ничего особенного не случилось. Смесь досады, нежности и не угасшей страсти переполняла его. В итоге всё вылилось в тихий вздох, полный снисхождения:

— Вот уж и... — Он запнулся, проглотил последнее слово, покачал головой, но в глазах мелькнула улыбка.

«...маленький развратник».

Собравшись с мыслями, он спросил чуть охрипшим голосом:

— Позвать, чтобы принесли горячей воды?

— Нет-нет! — Ли Чжао тут же поднял голову. Щёки всё ещё пылали, но он был непреклонен.

— Подожди! В таком виде слуги сразу поймут, что тут происходило! — Он говорил всё тише и тише, а в конце показал два больших пальца, соединённых вместе.

— То есть, — медленно протянул Мин Чжэнь, — ты готов делать, но не готов признавать?

— Да нет же! — голос Ли Чжао взлетел на октаву выше, взгляд забегал. — Просто... мне чуть-чуть неловко. Давай сначала приведём себя в порядок!

— К тому же, если быть точным, мы ведь ничего такого не делали! Просто поцеловались... немного... чуть-чуть... более страстно, чем обычно.

Он всё меньше верил своим словам, пальцы показывали «чуть-чуть», а глаза упрямо смотрели в сторону.

— Похоже, А Чжао немного сожалеет? — с лёгкой издёвкой спросил Мин Чжэнь.

— Кто сожалеет?! — возмутился Ли Чжао, и уши его покраснели так, будто вот-вот растают, как воск.

— Я совершенно не сожалею! Не надо вкладывать в мои слова лишний смысл!

Он попытался вернуть контроль над ситуацией:

— К тому же я пришёл к тебе сегодня по важному делу! Просто ты... ты заставил меня на миг потерять самообладание! — последние слова он почти прошептал.

— Хорошо, виноват я, — легко согласился Мин Чжэнь, прекращая его дразнить.

Он протянул руку и помог Ли Чжао, всё ещё неуклюже сидевшему на краю стола, спуститься на пол. Затем тихо предложил:

— Пойди за ширму. Я велю принести воду в соседнюю комнату — тебя никто не увидит. Как приведёшь себя в порядок, поговорим по делу. Договорились?

Ли Чжао, опершись на его руку, кивнул и быстро юркнул за резную ширму, откуда выглянул лишь наполовину, глядя на Мин Чжэня большими, обеспокоенными глазами.

Мин Чжэнь усмехнулся, развернулся и направился отдавать распоряжения слугам. Шаги его были спокойными, но, когда пальцы случайно коснулись горячего пятна на ключице, он на миг замедлился.